

*Эта книга посвящается моей жене Мохинисо.
С ней связано все лучшее, что случилось со мной в жизни*

Юноша крепко ухватился за край холщовой корзины, в которой он сидел, съежившись, в шестидесяти футах над палубой. Корабль поворачивал. Мачта резко накренилась, пронзая верхушкой ветер.

Каравелла называлась «Леди Эдвина». Это имя носила мать молодого человека. Он едва ее помнил.

В предрассветной тьме до его слуха долетало, как далеко внизу большие бронзовые пушки подпрыгивали на опорах, натягивая державшие их канаты. Корпус каравеллы вибрировал, откликаясь на движения руля, когда судно разворачивалось в обратную сторону, на запад. Теперь юго-восточный ветер дул в корму, корабль пошел легче и стал послушнее, хотя часть парусов была убрана, а в трюме набралось воды уже на три фута.

Все это было очень знакомо Хэлу Кортни. Уже много рассветов он встретил вот так, на мачте. Его молодые глаза, самые острые на всем корабле, должны были заметить вдали первый признак появления парусов.

И даже холод давно был привычен юноше. Хэл натянул на уши плотную шерстяную монмутскую шапку. Ветер забирался под кожаную куртку, но юноша давно привык к таким мелким неудобствам. Не обращая на них внимания, он пристально всматривался в темноту.

— Сегодня появятся голландцы, — вслух произнес он и тут же ощутил, как в груди вспыхнули возбуждение и страх.

Высоко над его головой начало бледнеть и угасать сияние созвездий, небесный свод заполнился жемчужным обещанием нового дня. И теперь внизу, на палубе, Хэл уже мог различить

фигуры людей. Он узнал Неда Тайлера, рулевого, согнувшегося над штурвалом; заметил и своего отца, всматривавшегося в корабельный компас, чтобы определить новый курс. Фонарь высветил черты отцовского лица, худого и смуглого, длинные волосы, которые развевались и путались на ветру.

Хэл, почувствовав укол вины из-за того, что позволил себе отвлечься, снова уставился в темноту; он не должен был таращиться вниз, на палубу, в столь жизненно важные минуты, когда рядом в любое мгновение мог выскользнуть из ночи враг.

К этому времени достаточно посветлело, для того чтобы видеть волны, бившиеся о корпус каравеллы. Они поблескивали радужными переливами, как только что отколотый каменный уголь. Хэл уже хорошо знал эти южные воды; знал и эту широкую океанскую дорогу, что вечно текла к восточному побережью Африки, синяя и теплая, полная жизни. Под руководством отца Хэл так изучил все это, что знал цвет, вкус и скорость течений, каждый водоворот и перепад глубин.

Однажды он тоже удостоится чести получить звание рыцаря-мореплавателя. Это случится в храме ордена Святого Георгия и Священного Грааля. Хэл станет, подобно отцу, мореходом ордена. Отец, как и сам Хэл, был полон решимости добиться этого. И теперь, когда Хэлу уже стукнуло семнадцать, такая цель выглядела не просто мечтой.

Сейчас их каравелла находилась в морском течении, служившем главной дорогой, по которой и должны были плыть голландцы, чтобы пройти на запад и добраться до нужного им места на загадочном побережье — оно пока что скрывалось в темноте. Это место служило воротами, и через них проходил каждый, кто желал обогнуть дикий мыс, разделявший Индийский океан и Южную Атлантику.

Именно поэтому сэр Фрэнсис Кортни, отец Хэла, навигатор, и выбрал эту позицию, на линии тридцать четвертого градуса и двадцати пяти минут южной широты, чтобы дожидаться их. И они ждали уже шестьдесят пять скучных дней, монотонно двигаясь взад-вперед. Но сегодня голландцы могли появиться, и Хэл пристально всматривался в нарождающийся день, приоткрыв рот и напрягая зеленые глаза.

Примерно в кабельтове от правого борта он увидел, как в небе блеснули крылья — достаточно высоко, чтобы поймать

первые лучи солнца; с суши летели первые бакланы, птицы с белоснежной грудкой и черно-желтой головой.

Хэл наблюдал, как вожак птичьей стаи нырял вниз и поворачивал, нарушая общий строй, и вертел головой, всматриваясь в темную воду. Потом заметил волнение под поверхностью, поблескивание чешуи... вода вскипела, когда на свет выскочил косяк рыб. Хэл увидел, как птичий вожак сложил крылья и камнем упал вниз, и тут же все птицы повторили его маневр и ударились о темную воду, взбив кружевную пену.

Вскоре уже вся вода белела из-за нырявших птиц и бывших в их когтях мелких серебристых рыбешек — анчоусов, которыми питались бакланы. Хэл наконец отвел от них взгляд и осмотрел открывшийся горизонт.

И тут же сердце юноши подпрыгнуло: он увидел мерцание паруса! Большой корабль с прямыми парусами находился всего в какой-нибудь лиге к востоку. Хэл глубоко вдохнул и открыл рот, чтобы поднять тревогу, но тут же узнал судно. Это была «Чайка Мори»¹, фрегат, а не голландцы из Ост-Индии. Просто фрегат далеко отошел от своей позиции, и это обмануло Хэла.

«Чайка Мори» была вторым из основных кораблей в блокирующей эскадре. Буззард, капитан, должен был держаться вне поля зрения, за восточным горизонтом. Хэл склонился через край корзины и посмотрел на палубу. И встретил взгляд отца — тот смотрел вверх, на сына, уперев руки в бедра.

Хэл крикнул шканечному:

— «Чайка» с наветренной стороны!

И его отец тут же повернулся и уставился на восток.

Сэр Фрэнсис заметил очертания корабля Буззарда, черный силуэт на фоне темного еще неба, и поднес к глазам тонкую подзорную трубу. Хэл почувствовал гнев отца в том, как напряглись плечи сэра Кортни, и в том, как он резким движением сложил инструмент и тряхнул гривой черных волос.

До истечения этого дня между двумя капитанами состоится разговор. Хэл усмехнулся себе под нос. Железной волей и острым языком, кулаками и саблей сэр Фрэнсис наводил ужас на всех, на кого обращал гнев, — даже рыцари, братья по ордену,

¹ *Мори* — графство в Шотландии.

благоговели перед ним. Хэл лишь порадовался, что сегодня отец разозлился на кого-то другого, не на него.

Он посмотрел вдаль, за «Чайку Мори», изучая горизонт, который все ярче вырисовывался в свете наступавшего дня. Он не нуждался в подзорной трубе для помощи своим молодым глазам, тем более что лишь один этот дорогой инструмент имелся у них на борту. Хэл различил другие паруса там, где им и следовало находиться, — крошечные светлые пятнышки на фоне темной воды. Два полубаркаса держались на своих местах, как бусинки в ожерелье, растянувшемся на пятнадцать лиг по обе стороны от «Леди Эдвины». Они являлись частью той сети, которую широко раскинул отец Хэла, чтобы поймать в ловушку голландцев.

Полубаркасы представляли собой открытые суда, на каждом из которых находилась дюжина тяжело вооруженных людей. Когда в этих лодках не было нужды, они могли нарушить строй и подняться на «Леди Эдвину». Сэр Фрэнсис регулярно менял их команду, потому что никто — ни крепкие парни из юго-западной части Англии, ни валлийцы, ни даже еще более выносливые бывшие рабы, составлявшие большую часть его команды, — не могли долго выдержать условия на маленьких судах, а им нужно было оставаться готовыми к битве, когда придет момент.

Наконец холодный дневной свет разлился вокруг: солнце поднялось над восточной частью океана. Хэл слегка упал духом, обнаружив, что в океане нет и следа чужих парусов. Как и в предыдущие шестидесят пять рассветов, голландцы не появились.

Потом юноша посмотрел на север, в сторону могучей массы суши, что притаилась на горизонте, как некий огромный каменный сфинкс, темный и непостижимый. Это и был мыс Агульяс, или Игольный мыс, — самая южная оконечность Африканского континента.

— Африка!

Один только звук этого мистического названия, сорвавшегося с губ Хэла, заставил побежать по его коже мурашки, шевельнуться густые темные волосы на затылке.

— Африка...

Не занесенная на карты земля драконов и прочих тварей, пожиравших человеческую плоть, мир темнокожих дикарей, которые тоже питались людьми и носили их кости вместо украшений...

— Африка...

Край золота и слоновой кости, рабов и прочих драгоценностей, ожидавших человека достаточно дерзкого, чтобы захватить их и, возможно, погибнуть при этих усилиях. Хэл ощущал страх, но одновременно был зачарован звуком этого слова и теми обещаниями, которые оно в себе таило, его угрозой и вызовом...

Долгие часы он провел над морскими картами в каюте отца, в то время как должен был заучивать наизусть астрономические таблицы или склонять латинские глаголы. Он изучал огромные ландшафты, заполненные изображениями слонов и львов, а также разных чудовищ; он прослеживал очертания Лунных гор, озер и могучих рек, рассматривал разные места, обозначенные названиями вроде «Койкхой», «Камбеду», «Софала» или «Королевство Престера Джона».

Но Хэл знал от отца, что на самом деле ни один цивилизованный человек не забирался в эти пугающие глубины, и не впервые задавался вопросом, каково это — оказаться первым исследователем. В особенности его интересовал Престер Джон. Этот легендарный правитель обширной и могучей христианской империи в глубине Африканского континента сотни лет служил в Европе источником мифов. Был ли это один человек или целая императорская династия? Хэла снедало любопытство.

Мечтания Хэла прервали звуки выкрикиваемых на палубе приказов, которые приглушал ветер. Он почувствовал, как корабль сменил курс. Посмотрев вниз, Хэд понял, что его отец намерен перехватить «Чайку Мори». Корабли, шедшие под одними лишь верхними парусами, теперь сближались, и оба двигались на запад, к мысу Доброй Надежды и Атлантике. Суды шли вяло — они слишком много времени провели в этих теплых южных водах, и древесина их корпусов была заражена червями *торедо*. Здесь ни один корабль не мог выдержать долго. Жуткие черви-древоеды выросли толщиной в палец муж-

чины, а длиной — в его руку, и они так проедали обшивку, что она становилась похожей на пчелиные соты.

Хэл, даже сидя на мачте, мог слышать, как на обоих кораблях работают насосы, освобождая трюмы от воды. Эти звуки не умолкали никогда: они походили на биение некоего сердца, державшего корабли на плаву.

И это было еще одной причиной, чтобы найти голландцев: корабли требовалось заменить. «Леди Эдвину» прогрызали прямо у них под ногами.

Когда два корабля сблизилась на расстояние выстрела, команды высыпали на палубы и выстроились вдоль поручней, чтобы обменяться градом непристойных издевательских шуточек.

Количество людей, находившихся на каждом из кораблей, никогда не переставало изумлять Хэла, когда он видел их вот так, в массе. «Леди Эдвина» имела грузоподъемность в сто семьдесят тонн, а длину — чуть больше семидесяти футов, но она несла команду в сто тридцать человек, если включить в это число тех, кто находился на двух полубаркасах. «Чайка» была почти такого же размера, но людей на ней находилось вдвое меньше.

Каждый из этих воинов мог понадобиться, если они хотели справиться с одним из огромных голландских галеонов из Ост-Индии. Сэр Фрэнсис через рыцарей ордена получал сведения из всех уголков Южного океана, и он знал, что по меньшей мере пять таких больших кораблей все еще находятся в море. А до этого времени двадцать один галеон Голландской компании прошел здесь и встал у крошечного пункта снабжения под высоким Тафельбергом, как называли эту гору голландцы, или Столовой горой, у оконечности южного континента; потом они поворачивали на север и двигались через Атлантику к Амстердаму.

Пять кораблей, все еще остававшихся в Индийском океане, должны были обогнуть мыс до того, как ветра сменятся на северо-западные. А этого оставалось ждать недолго.

Когда «Чайка Мори» не отправлялась в *guerre de course*, как обычно называли каперские рейды (официально разрешенное пиратство), Ангус Кокрейн, граф Камбрийский, пополнял свой кошелек, занимаясь скупкой рабов на рынках Занзибара. Как только рабы оказывались прикованными к рым-болту в узком

длинном трюме, они уже не могли освободиться до тех пор, пока корабль не причаливал в одном из портов Востока. А это значило, что даже те несчастные, которые умудрялись выжить во время жуткого перехода через тропический Индийский океан, вынуждены были лежать, сгнивая заживо, рядом с умершими в тесном пространстве под палубой. Миазмы разлагающихся трупов вкупе с вонью отходов тел живых заставляли корабли работоторговцев издавать запах, который разносился ветром на много морских миль. И никакое мытье и чистка не могли избавить такой корабль от характерного запаха.

Когда «Чайка» очутилась с наветренной стороны, команда «Леди Эдвины» разразилась воплями преувеличенного отвращения.

— Бог ты мой, да они воняют, как навозная куча!

— Эй, вы что, не подтираете задницы, грязные черви? Мы отсюда вас чуем! — кричал кто-то в сторону небольшого фрегата.

То, что раздалось в ответ с «Чайки», заставило Хэла усмехнуться. Конечно, в принципе, в человеческом теле для него не было тайн, и все равно он не понимал многого, потому что никогда не видел тех частей женского тела, о которых матросы обоих кораблей упоминали весьма детально и живописно, и не представлял, для чего эти загадочные части могут быть использованы. Ругательства возбуждали его воображение. Еще веселее ему стало, когда он представил, как разозлится отец, услышав такое.

Сэр Фрэнсис был набожным человеком, и он верил, что удача в войне может зависеть от благопристойного поведения каждого человека на борту.

Он запрещал азартные игры, богохульства и крепкие спиртные напитки. Он заставлял всех молиться дважды в день и настаивал матросов, веля им вести себя вежливо и достойно, когда они вставали в порту... хотя Хэл знал, что его советам редко следовали.

Теперь сэр Фрэнсис мрачно хмурился, слушая обмен ругательствами между своими матросами и матросами Буззарда, но, поскольку он все равно не мог в знак недовольства высечь половину команды, то придерживал язык, пока они оставались вблизи от фрегата.

Тем временем он отправил слугу в свою каюту, чтобы тот принес ему плащ. То, что он должен был сказать Буззарду, относилось к официальным речам, и сэру Фрэнсису следовало находиться при всех регалиях. Когда слуга вернулся, сэр Фрэнсис набросил на плечи великолепный бархатный плащ, а потом поднес к губам переговорную трубу.

— Доброе утро, милорд!

Буззард подошел к поручням и вскинул руку в приветствии. Поверх клетчатого пледа на нем была надета полукольчуга, блестящая в ясном утреннем свете, но голова осталась обнаженной, и рыжие волосы и борода топорщились, как куча сена, и локоны трепыхались на ветру, так что казалось: голова Буззарда объята пламенем.

— Да возлюбит тебя Иисус, Фрэнки! — проревел он в ответ, и его мощный голос без труда заглушил шум ветра.

— Твоя позиция — на восточном фланге! — Ветер и гнев заставили сэра Фрэнсиса выражаться лаконично. — Почему ты ее оставил?

Буззард широко раскинул руки, изображая раскаяние:

— У меня мало воды и иссякло терпение! Шестьдесят пять дней — этого более чем достаточно для меня и моих храбрецов. А на побережье Софалы полно рабов и золота.

Его акцент напоминал о шотландской буре.

— У тебя нет полномочий нападать на португальские суда!

— Голландские, португальские или испанские! — заорал Камбр. — Всякое золото отлично блестит! И ты прекрасно знаешь, что по другую сторону Линии договора никакого мира нет!

— Твоя фамилия не зря означает «гриф»! У тебя такие же аппетиты, как у этого пожирателя падали!

Но Камбр сказал чистую правду. По другую сторону Линии мира не было.

Полтора века назад в результате папской буллы «*Inter Caetera*» от 25 сентября 1493 года посередине Атлантики была проведена условная линия, с севера на юг, — так папа Александр Шестой поделил мир между Португалией и Испанией. На что возлагалась надежда? На то, что другие христианские народы, снедаемые завистью и негодованием, будут чтить такую декларацию?

В общем, почти мгновенно возникла другая доктрина: «Нет мира по другую сторону Линии!»

Это стало лозунгом каперов и корсаров. И в их умах значение новой идеи распространилось на все неизученные части океанов.

В пределах вод северного континента пиратство, грабеж, насилие и убийство были преступлениями, за нарушителями гонялись соединенные морские силы всей христианской Европы, преступника вешали на его же собственной нок-рее. Но на то же самое смотрели сквозь пальцы и даже восхваляли, когда это совершалось по другую сторону Линии.

Каждый воинственный монарх подписывал каперские свидетельства и одним росчерком пера превращал своих купцов в узаконенных пиратов. Они вооружали свои корабли и отправлялись разбойничать во вновь открытых морях на огромном земном шаре.

Сэр Фрэнсис Кортни тоже имел такое письмо, подписанное Эдвардом Хайдом, графом Кларендоном, лорд-канцлером Англии, от имени его величества короля Карла Второго. Письмо давало сэру Фрэнсису право преследовать голландские корабли — Англия находилась в состоянии войны с Голландией.

— Как только ты бросаешь свою позицию, ты теряешь право на любую часть добычи!

Сэр Фрэнсис продолжал кричать через узкую полосу воды между кораблями, но Буззард уже отвернулся и отдавал приказы своему рулевому.

Потом он крикнул своему волынщику, стоявшему наготове:

— Сыграй что-нибудь сэру Фрэнсису, чтобы он нас помнил!

И тут же над водой к «Леди Эдвине» понеслась мелодия «Прощания с островами», а матросы Буззарда полезли по такелажу, как обезьяны, чтобы взять рифы.

Все паруса «Чайки» развернулись. С хлопком, похожим на пушечный выстрел, грот-парус наполнился ветром, и фрегат живо развернулся на юго-восток.

А сам Буззард быстро прошел на корму и остановился у поручней. Его голос был слышен даже сквозь пронзительные звуки волынки и шум ветра.

— Да защитит тебя наш покровитель Иисус Христос, стопочтенный брат-рыцарь!

Однако в устах Буззарда эти слова прозвучали как богохульство.

Сэр Фрэнсис в плаще, разделенном на четыре части алым крестом его ордена, провожал взглядом фрегат; плащ полоскал и хлопал на его широких плечах.

Постепенно и шутки, и ругательства матросов затихли вдали. А на корабле сэра Фрэнсиса начало распространяться новое, мрачное настроение: команда осознала, что их силы, и без того не слишком великие, уменьшились вполовину. Они остались одни, чтобы встретиться с голландцами, и не знали, насколько те могут оказаться сильны. На палубе и на такелаже «Леди Эдвины» воцарилось молчание, матросы не смотрели друг другу в глаза.

Но потом сэр Фрэнсис откинул назад голову и засмеялся.

— Что ж, нам больше достанется! — воскликнул он.

Все засмеялись вместе с ним, взбодрившись, а он ушел в свою каюту на корме.

Хэл просидел на мачте еще час. Он гадал, как долго может продержаться бодрое настроение команды, потому что они уже вынуждены были ограничиваться кружкой воды дважды в день. Хотя земля и ее сладкие реки лежали меньше чем в полудне пути, сэр Фрэнсис не рисковал отправить туда хотя бы один полубаркас, чтобы наполнить бочонки. Голландцы могли появиться в любой час, а тогда им понадобятся все люди.

Наконец на мачту поднялся матрос, чтобы сменить Хэла на вахте.

— Есть тут на что посмотреть, парень? — спросил он, забираясь в холщовое гнездо рядом с Хэлом.

— Меньше не бывает, — признался Хэл и показал на крошечные паруса двух полубаркасов вдали на горизонте. — Ни один не подает сигналов. Жди красного флажка — он будет означать, что они кое-что увидели.

Матрос хмыкнул:

— Ты меня еще поучи, как пукать.

Но он улыбнулся при этом Хэлу весьма добродушно — юношу любили на корабле.

Хэл усмехнулся в ответ:

— Видит Бог, тебя не нужно учить, мастер Саймон. Тебя же издали слышно. Я бы предпочел столкнуться с голландцами. Ты так пукаешь, что можешь корпус корабля насквозь прошибить.

Саймон громогласно заржал и хлопнул Хэла по плечу:

— Катись-ка ты вниз, парень, пока я не научил тебя летать, как альбатрос.

Хэл начал спускаться по вантам. Сначала он двигался напряженно, все его мускулы застыли и одеревенели после долгой вахты, но очень быстро он согрелся и легко соскользнул вниз.

Некоторые из матросов на палубе ненадолго перестали трудиться у насосов или орудовать иглами, с помощью которых чинили порванную ветром парусину, и наблюдали за ним. Хэл был крепким и широкоплечим и казался двадцатилетним, к тому же сильно вытянулся вверх, догнав в росте отца. Но все еще обладал свежей гладкой кожей и юным лицом, на котором жило почти детское выражение. Черные волосы, связанные в хвост на затылке, вырвались из-под шапки и на утреннем солнце отливали синевой. В таком возрасте красота юноши все еще казалась почти женственной, и после четырех месяцев в море — и шести после того, как все они видели женщин, — некоторые, чьи интересы лежали в соответствующей стороне, поглядывали на него похотливо.

Добравшись до грот-рея, Хэл оторвался от надежной опоры мачты. Он пробежал по грот-рею, с легкостью акробата балансируя на высоте сорока футов над пеной у носа корабля и досками главной палубы. Теперь уже все смотрели на него: с таким искусством мало кто на борту решился бы соревноваться.

— Вот что значит быть молодым и глупым, — проворчал Нед Тайлер, но при этом нежно покачал головой, глядя вверх. — Лучше бы этот юный балбес скрыл от отца свои фокусы.

Хэл добрался до конца грот-рея и, не задержавшись, скользнул по канату вниз, через секунду очутившись в десяти футах над палубой. Оттуда он легко спрыгнул и приземлился на крепкие босые ноги, согнув колени, чтобы погасить силу удара о выскобленные белые доски.

Выпрямившись, Хэд повернулся к корме — и застыл при звуке нечеловеческого крика. Это был первобытный рев, угрожающий вызов какого-то огромного хищника...

Хэд оставался на месте всего секунду, а потом инстинктивно развернулся и отпрыгнул в сторону, когда на него бросилась какая-то высокая фигура. Он услышал свистящий звук еще до того, как увидел клинок, и поднырнул под него. Серебристая сталь сверкнула над его головой, и напавший снова взревел, теперь уже от ярости.

Хэд лишь мельком увидел лицо своего противника, черное и блестящее, и провал разинутого рта, обрамленный огромными, квадратными белыми зубами, и язык — такой же розовый и изогнутый, как у леопарда...

Хэд подпрыгнул и уклонился, когда серебристое лезвие снова метнулось к нему по дуге. Он почувствовал, как что-то дернуло его за рукав куртки — это острие рассекло ее кожу, — и отскочил назад.

— Нед, клинок! — бешено крикнул Хэд рулевому за своей спиной.

При этом он не сводил глаз с противника. Зрачки у того были черными, как обсидиан, а радужки побледнели от ярости... белки же этих глаз налились кровью.

Хэд отскочил в сторону, уйдя от следующего яростного броска мужчины, и тут же ощутил на щеке дуновение воздуха от пронесшегося рядом лезвия.

За спиной он услышал, как с шорохом выскочила из ножен боцмана абордажная сабля, и оружие скользнуло по палубе в его сторону. Хэд плавно наклонился и подхватил его. Рукоятка совершенно естественно легла в его руку, и он встал в позу обороны, направив острие в глаза напавшего.

При виде грозного оружия Хэла высокий мужчина приостановился, но когда Хэд левой рукой выхватил из-за пояса десятидюймовый кинжал и его острие также направил в сторону напавшего, безумный свет в глазах у того стал холодным и оценивающим. Они кружили по палубе у грот-мачты, их оружие слегка покачивалось, как бы ища возможность удара...

Матросы на палубе бросили все дела — даже те, кто стоял у насосов, — и встали широким кругом возле противников, как будто наблюдали за боем петухов. Их лица горели азар-

том, они надеялись увидеть пролитую кровь. Зрители кричали и ухали при каждом отбитом выпаде, подбадривали своих фаворитов:

- Отруби ему его здоровенные черные яйца, Хэл!
- Выдери этому петушку все перья из хвоста, Эболи!

Эболи был на пять дюймов выше Хэла, и на его стройном, подтянутом теле не было ни капли жира. Он происходил с восточного побережья Африки, из воинственного племени, высоко ценившегося работоторговцами. С его головы были тщательно выщипаны все волоски, и она блестела, как полированный черный мрамор, а щеки украшали ритуальные татуировки и завитки выпуклых шрамов, которые придавали ему пугающий вид. Двигался Эболи на своих длинных мускулистых ногах со специфической грацией, раскачиваясь от талии, как некая огромная черная кобра. На нем красовалась только юбка из поношенного холста, а грудь оставалась обнаженной. Каждая мышца его торса и рук как будто жила своей собственной жизнью, словно под намащенной кожей скользили и извивались змеи.

Он внезапно сделал выпад, и Хэл с отчаянным усилием подставил под удар саблю, но почти в то же мгновение Эболи изменил направление, снова нацелившись в голову Хэла. И в этом ударе была такая сила, что Хэл понял: ему не блокировать его одной лишь абордажной саблей. Он выбросил вперед оба клинка, скрестив их, и остановил нападение прямо над своей головой. Сталь зазвенела, ударившись о сталь, и зрители взвыли, восторгаясь искусством и красотой схватки.

Но в пылу атак Хэл уступал в темпе, а Эболи снова и снова наседали на него, не давая передышки, пользуясь более высоким ростом и превосходящей силой, чтобы противостоять природной ловкости юноши.

На лице Хэла отразилось отчаяние. Он уже отступал, готовый сдаться, его движения потеряли скоординированность: он устал, а страх притуплял его реакцию. Жестокие зрители ополчились на него, требуя крови, подбадривая неумолимого противника Хэла:

- Поставь метку на его хорошенькое личико, Эболи!
- Покажи нам его кишки!

Пот залил щеки Хэла, его лицо искажилось, когда Эболи прижал его к мачте. Хэл вдруг показался намного моложе, он едва не плакал, его губы дрожали от ужаса и измождения. Он уже не пытался контратаковать. Он просто защищался. Он бился за свою жизнь.

А Эболи нападал снова и снова, то метя в туловище Хэла, то меняя угол и целясь в ноги. Хэл находился уже на пределе сил, он мог лишь отбивать каждый очередной удар.

Потом Эболи снова сменил тактику: он сделал низкий обманный выпад в сторону левого бедра Хэла и тут же перенес вес на другую ногу и выбросил вперед длинную правую руку. Сверкающее лезвие проскочило сквозь защиту Хэла, и зрители взревели, увидев наконец кровь, которой жаждали.

Хэл отскочил в сторону от мачты и на мгновение замер на солнечном свете, ослепленный собственным потом. Кровь медленно капала на его куртку, но она текла из маленькой ранки, нанесенной с искусством хирурга.

— Если будешь драться как женщина, будешь каждый раз получать по шраму! — рявкнул Эболи.

С выражением усталого недоверия Хэл поднял левую руку, в которой все так же держал кинжал, и тыльной стороной кулака отер, но крови было, пожалуй, много для такой раны.

Зрители радостно ржали.

— Ну, зубы сатаны! — хохотал один из рулевых. — У этого симпатяги крови явно больше, чем храбрости!

И от этой насмешки внутри Хэла что-то переломилось. Он опустил кинжал и выставил его в положение обороны, не обращая внимания на кровь, все еще стекавшую с его подбородка. Его лицо ничего не выражало, как лицо какой-нибудь статуи, а сжатые губы побледнели до белизны. Из глубины его горла вырвался низкий рык, и Хэл бросился на негра.

Он пронесся через палубу с такой скоростью, что Эболи оказался застигнутым врасплох и отступил назад. Когда же они скрестили оружие, Эболи ощутил в руке юноши новую силу, и его глаза прищурились. А потом Хэл накинулся на него с яростью раненого дикого кота, рвущегося из капкана.

Боль и ярость наполнили его новой силой. Взгляд Хэла стал безжалостным, зубы он стиснул так, что все мышцы лица натянулись, превратив его в маску, на которой не осталось

и следа юности. Однако бешеная злоба не лишила Хэла рас-судка и хитрости. И в нем проснулись все те умения, которые он отработывал сотнями часов тренировок.

Зрителей ошеломило чудо, свершившееся у них на глазах. Казалось, что мальчик в одно мгновение превратился в муж-чину, что он даже вырос, когда очутился лицом к лицу со сво-им темнокожим неприятелем.

Это ненадолго, сказал себе Эболи, встречая атаку. Надолго у него не хватит сил. Но он противостоял совершенно друго-му человеку, он просто не узнавал его...

Внезапно Эболи понял, что отступает... ничего, мальчишка скоро выдохнется... но два лезвия плясали перед его глазами и казались ослепительными и нереальными, как духи мертвых в темном лесу, в котором он побывал однажды там, дома...

Эболи посмотрел на бледное лицо, в горящие глаза... и не узнал их. И на него напал суеверный ужас, замедливший дви-жение правой руки. Перед ним воплотился демон, обладаю-щий неестественной бесовской силой...

Эболи понял, что самой его жизни грозит опасность.

Следующий удар достиг его груди, скользнув мимо оборо-ны, как солнечный луч. Эболи изогнулся вбок, но удар угодил под его поднятую левую руку. Он не почувствовал боли, но услышал скрежет острия по ребру, ощутил теплый поток кро-ви сбоку...

И он не обратил внимания на оружие в левой руке Хэла и на то, что юноша с одинаковой легкостью действует обеими руками.

Лишь краем глаза он заметил короткий крепкий клинок, устремившийся к его сердцу, и отпрянул назад, чтобы ускольз-нуть от него. Его пятки налетели на свернутый в бухту канат, и он упал. Локтем руки, державшей клинок, он ударился о план-шир, рука мгновенно онемела, и он выронил саблю.

Лежа на спине, Эболи беспомощно смотрел вверх и видел смерть в страшных зеленых глазах. Это не было лицо ребенка, которого он опекал, учил и любил долгое десятилетие, о кото-ром так заботился... Теперь это было лицо мужчины, готового его убить. Яркое острие абордажной сабли устремилось вниз, метя ему в горло со всей силой молодого тела, налегавшего на него...

— Генри!

Суровый властный голос раздался на палубе, легко прорезав гул и бормотание кровожадных зрителей.

Хэл вздрогнул и замер, все так же направляя саблю на горло Эболи. На его лице появилось растерянное выражение, как будто он очнулся от глубокого сна, и он посмотрел на отца, появившегося на корме.

— Хватит этих кошачьих драк! Немедленно иди в мою каюту!

Хэл обвел взглядом палубу, все эти раскрасневшиеся, возбужденные лица, окружавшие его. Потом недоуменно встряхнул головой и глянул на абордажную саблю в собственной руке. Разжав пальцы, он уронил клинок на палубу. Ноги у него внезапно ослабели, он сел прямо на Эболи и обнял его, как ребенок обнимает отца.

— Эболи! — прошептал он.

Юноша заговорил на языке лесов, которому научил его чернокожий мужчина; этот язык не знал больше ни один белый человек на корабле.

— Я причинил тебе боль... Кровь! Будь я проклят, я ведь мог тебя убить!

Эболи осторожно хмыкнул и ответил на том же языке:

— Это уже в прошлом. Но ты наконец глотнул из источника воинской крови. Я уже думал, ты никогда его не найдешь. Мне пришлось силой тащить тебя к нему.

Он сел и отодвинул Хэла, но в его глазах горел новый свет, когда он смотрел на юношу, который уже не был мальчиком.

— Иди, тебя позвал отец.

Хэл с трудом поднялся и снова окинул взглядом кольцо лиц, видя теперь на них выражение, которого не понял: это было уважение, смешанное с немалым страхом.

— Эй, что вы все тарачитесь? — рявкнул Нед Тайлер. — Представление окончено! Вам что, заняться нечем? А ну быстро к насосам! Я сейчас же найду управу на любого бездельника!

И сразу послышался топот босых ног по палубе — команда бегом вернулась к своим обязанностям.

Хэл, наклонившись, поднял саблю и протянул ее боцману вперед эфесом.

— Спасибо, Нед. Она мне пригодилась.

— И ты неплохо ею попользовался. Я никогда не видел, чтобы кто-то взял верх над этим язычником, кроме твоего отца.

Хэл оторвал кусок от своей потрепанной штанины, прижал его к уху, чтобы остановить кровь, и отправился в каюту на корме.

Сэр Фрэнсис оторвался от бортового журнала, гусиное перо повисло над страницей.

— Нечего выглядеть таким самодовольным, щенок! — проворчал он. — Эболи играл с тобой, как обычно. Он мог десять раз проткнуть тебя насквозь, пока тебе не повезло в конце.

Когда сэр Фрэнсис встал, в крошечной каюте стало слишком тесно для них двоих. Переборки от пола до потолка были заняты книжными полками, другие книги громоздились на полу, переплетенные в кожу тома были свалены и в боковой каморке, служившей сэру Фрэнсису спальней. Хэл не понимал, где же спит отец.

Отец заговорил с ним на латыни. Когда они оставались наедине, он требовал, чтобы разговор шел на языке образованных, культурных людей.

— Ты умрешь прежде, чем дотянешься до какого-нибудь мечника, если не обретишь сталь в сердце и в руке. Какой-нибудь неуклюжий голландец раскроит тебе голову при первой же стычке. — Сэр Фрэнсис нахмурился, глядя на сына. — Повтори закон меча.

— Глаза в глаза, — пробормотал Хэл на латыни.

— Громче, юноша!

Слух сэра Фрэнсиса ослабел от грохота пушек — за многие годы тысячи залпов гремели вокруг него. К концу службы из ушей моряков частенько сочилась кровь из-за этих орудий, и даже много позже офицеры продолжали слышать в головах тяжелый грохот.

— Глаза в глаза, — энергично повторил Хэл. Отец кивнул.

— Глаза противника — окна в его ум. Научись читать в них его намерения до того, как он начнет действовать. Рассмотря в них удар до того, как он будет нанесен. Что еще?

— Одним глазом — на его ноги, — четко произнес Хэл.

— Хорошо, — снова кивнул сэр Фрэнсис. — Его ноги начнут двигаться раньше руки. Что еще?

— Держи острие высоко.

— Основное правило. Никогда не опускай острие оружия. Всегда направляй его ему в глаза.

Сэр Фрэнсис подверг сына подробному допросу, как уже делал бесчисленное количество раз. И наконец сказал:

— Вот еще одно правило для тебя. Сражайся с самого первого удара, а не тогда, когда ты ранен или взбешен, иначе можешь просто не пережить первую рану.

Он посмотрел на песочные часы, висевшие над его головой.

— У тебя есть еще время почитать до общей молитвы. — Он продолжал говорить на латыни. — Возьми Ливия и переведи страницу двадцать шесть.

Целый час Хэл читал вслух историю Рима в оригинале, переводя каждый стих на английский. Потом сэр Фрэнсис резко захлопнул книгу.

— Есть некоторое улучшение. А теперь просклоняй глагол *durare*.

То, что отец Хэла выбрал именно этот глагол, служило признаком одобрения. Хэл выполнил задание на одном дыхании, слегка замявшись лишь на будущем изъявительном.

— *Durabo...* Я выдержу.

Это слово было девизом герба Кортни, и сэр Фрэнсис холодно улыбнулся, когда Хэл его произнес.

— Что ж, пусть Господь вознаградит тебя. — Сэр Фрэнсис встал. — Теперь можешь идти, но не опоздай на молитву.

Радуясь обретенной свободе, Хэл выскочил из каюты и поспешил к трапу между палубами.

Эболи сидел на корточках под укрытием одной из громоздких бронзовых пушек у носа корабля. Хэл присел рядом с ним.

— Я тебя ранил.

Эболи выразительно отмахнулся:

— Цыплячий след в пыли ранит землю куда сильнее.

Хэл стянул с плеч Эболи парусиновый плащ, сжал локоть чернокожего мужчины и поднял мощную мускулистую руку настолько высоко, чтобы рассмотреть глубокий порез на ребрах.

— Тем не менее этот маленький цыпленок здорово тебя клюнул, — сухо заметил он.

Но тут же усмехнулся, потому что Эболи разжал руку и показал ему иглу с уже вдетой в нее нитью для сшивания парусины. Он потянулся к игле, но Эболи его остановил:

— Сначала промой рану, как я тебя учил.

— С твоим орудием, похожим на длинного черного питона, ты можешь и сам до всего дотянуться, — предположил Хэл.

Эболи протяжно, раскатисто засмеялся, и звук его смеха походил на низкий гул далекого грома.

— Пусть это лучше сделает маленький белый червяк.

Хэл встал и развязал шнур, державший его штаны. Позволив им упасть к коленям, он правой рукой взял свою крайнюю плоть.

— Нарекаю тебя Эболи, владыкой цыплят!

Он отлично подражал проповедническому тону своего отца, направляя струю желтой мочи на открытую рану.

Хотя Хэл знал, как она жжется, потому что Эболи много раз проделывал то же самое для него, черты черного лица остались бесстрастными. Вылив на рану все до последней капли, Хэл снова натянул и подвязал штаны. Он знал, как эффективны методы лечения, применяемые в племени Эболи. Когда ему пришлось испытать это на себе в первый раз, он чувствовал отвращение, но потом, за все прошедшие с тех пор годы, он ни разу не видел, чтобы обработанная таким образом рана воспалилась.

После этого Хэл взял иглу и шпагат, и пока Эболи левой рукой сжимал края раны, Хэл аккуратно наложил на нее морской шов, протыкая иглой упругую кожу и крепко завязывая узлы. Когда дело было сделано, он потянулся к горшку с горячей смолой, уже приготовленному негром. Быстро замазав шов, он удовлетворенно кивнул, глядя на свою работу.

Эболи встал и приподнял свою парусиновую юбку.

— А теперь посмотрим, как там твое ухо, — заявил он Хэлу.

Его собственный толстый пенис наполовину высовывался из кулака.

Хэл быстро отшатнулся.

— Да там просто маленькая царапина! — запротестовал он, но Эболи безжалостно схватил его за связанные в хвост волосы и заставил поднять голову.

Смит У.

С 50 Хищные птицы : роман / Уилбур Смит ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 736 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-21021-9

Вторая половина XVII столетия, золотой век пиратства. Англия и Голландия ведут войну за морское владычество, а на войне все средства хороши. Английскому капитану сэру Фрэнсису Кортни выдано королевское разрешение преследовать, а попросту — грабить неприятельские торговые суда. Вместе со своим семнадцатилетним сыном Хэлом он патрулирует воды у берегов Южной Африки. Боевая каравелла Кортни охотится на голландский галеон, идущий из Ост-Индии и груженный золотом, драгоценными специями и редкой древесиной. Подобный трофей может принести целое состояние! И вот галеон взят на бордаж, но пиратское счастье мимолетно — в скором времени сэр Фрэнсис и Хэл попадают в руки безжалостных врагов...

Роман «Хищные птицы» хронологически открывает эпопею о неукротимых Кортни, чей девиз гласит: «Я выдержу».

УДК 821.111

ББК 84(6Южн)-44

Литературно-художественное издание

УИЛБУР СМИТ
ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Юлия Зачесова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.04.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-MPR-29952-01-R